

дали ее совершить. Эта девица любила юношу, когда-то влюбленного в ее старшую сестру, умершую, как говорили, от любви к нему, но которая при этом еще болела сильным воспалением легких; вот почему юношу и заставили поехать в Голландию, где ему нечего было делать. Говоря по совести, я полагаю, что сия девица, будучи мне совсем не парой, ибо меня прочли в советники, отнюдь не думала, что я ей подхожу, и тайне считала, что ей лучше выйти за другого. Как бы то ни было, я впал в невероятную тоску и в большее томление, нежели мой сверстник Мизис. Меня охватила такая грусть, что дядюшка мой де Па-Ле (не знаю, не внушил ли ему это некий «дух») вбил себе в голову, что я заболел каким-то юпопеским педугом. Для переговоров со мною отрядили моего старшего брата. «Пусть вас это не тревожит, — сказал я ему, — сейчас вы узнаете, в чем дело», — и тут же выложил ему все начистоту. Через три месяца, убедившись, что девица питает некоторую склонность к другому, я постарался избавиться от ее чар. Целую ночь я провел без сна: но наутро в цепях, что меня едва не сковали, не было ни одного цельного звена. Досада превозмогла то, чего не мог превозмочь разум. Я почел за благо, для большей уверенности в себе, совершить небольшую поездку в Берри к одной из моих родственниц. Вдова тем временем, как я потом узнал, чуть не сошла с ума от ярости.

На нашей улице жила другая молодая вдова, которая отпослалась ко мне весьма благосклонно; я сочинил для нее стихи, где говорил, что она меня любит; она позволила мне писать ей, но по молодости и легкомыслию я забыл спросить у нее адрес; хорошо во всем этом было то, что она оказалась помолвленной и в самом деле через месяц вышла замуж.

Как-то я сопровождал одного своего родственника; по пути он пожелал заехать в тот самый дом, где я влюбился в свою Вдовушку. Там я снова чуть ли не с прежней силой воспылал к ней: ведь бедная женщина вздумала разыскивать меня в Берри. Я стал сомневаться, следует ли мне писать той, другой вдове, которая вышла замуж. Мой родственник, который в течение всего нашего пути рассказывал мне о своих успехах у женщин в Лапгедоке и в моих глазах был докой в любовных делах, заставил меня написать ей и поручил передать письмо в ее собственные руки такому смышленому человеку, что письмо, вместо жены, получил муж — и все мое волокитство полетело к черту.

Я слегка приударил за дочерью некоего дворянина, жившего по соседству с г-жой д'Арамбюр; затем мы отправились навестить г-жу Бито в Аржене, где я безумно влюбился в м-ль де Мурью. На меня ополчились за то, что как-то на балу, держа ее за руку, я накрыл наши руки шляпой, чтобы никто этого не видел, и за то, что однажды чуть было не заснул у нее на плече. Все же я был сильно влюблен и, возвратившись домой, думал о ней всю ночь, до самого рассвета мысленно разговаривал с ней, плакал и сетовал на судьбу.